

ОТ АВТОРА
СКАНДАЛЬНОГО БЕСТСЕЛЛЕРА "ДУРА"

Тюльпаны

Александръ
Дунаенко

Мужчинам понимающим и любящим Довлатова, Белова, Шукишина, чувствующим невероятную красоту фраз Набокова, есть чему удивиться, читая прозу Александра Дунаенко.

А женщинам, любым женщинам его проза должна быть душевным бальзамом.

Пусть её читают и примитивные дуры, и женщины, умные, интеллигентные, которые в 12–14 лет уже прочитали практически все мировые шедевры, которым близки герои всех САГ и которые способны «уноситься ветром» литературных замыслов.

Александр Дунаенко

ТЮЛЬПАНЫ

Тюльпаны

Степь весной, весной ранней — это серое однообразие под небом, которое, меняя к тёплому свои оттенки, готовится к лету. Кое-где сугробы нерастаявшего снега. Ручьи, жаворонки. Внезапные холода с ветрами, которые заставляют забыть, какое время года на дворе. На простой легковой машине прогуливаться в этот серый революционный период чревато неожиданными осложнениями. Нужен, как минимум, джип. Потому что можно въехать в незаметную, подсохшую сверху, грязь и застрять. И никто тебя не выручит, не спасёт. И нет в это время никаких полевых работ, и встретить дурака с трактором, который просто так, подобно вам, прогуливается по степи, практически невозможно.

И не нужно в это время туда ездить.

А нужно подождать недельку — другую. Когда верхний слой земли уже прогреется не сиюминутно, а по-настоящему. Когда протянутся сквозь него тонкие мягкие иголки ослепительно

зелёной травы. Когда расцветут и увянут, сгорят на солнце мелкие жёлтые цветы, которые в этих краях называют подснежниками.

Когда на смену им вдруг появятся неожиданно и ярко, тысячи упругих стеблей с бутонами, в которых заключены все цвета радуги — это Его Величество Тюльпан пришёл вознаградить монотонные пространства за долгие месяцы серого, незаметного существования.

И вот уже тогда в степь нужно выехать непременно. Потому что степь, усыпанная тюльпанами — это зрелище, которое ничем не возможно заменить. Это безумная, фантастическая красота всего на несколько дней. К примеру, Венеция — она Венеция 365 дней в году. И Лувр. И морды на острове Пасхи. А тюльпан в степи — всего на мгновение. Он — праздник степи, её карнавал. Появление тюльпана — это торжественное открытие весны.

Раскрывшийся бутон излучает необъяснимую радость. Чему радуется? Чего ожидает получить взамен? Знает ли, что он — всего лишь цветная вспышка и сидеть потом его луковичке под землёй целый год, до весны следующей. Знает ли он про такую свою жизнь — всего несколько дней в году?

В бескрайней, почти безлюдной, степи, для кого он так красив? Как будто какой сумасшедший художник из года в год гениально рисует одну и ту

же картину. Потом смотрит, как она гибнет, стремительно выгорает на солнце. Картина ни для кого. И этому ненормальному абсолютно всё равно, увидит ли его творение человеческий зритель. И как её оценит.

Наш степной тюльпан, тюльпан Шренка, занесён в Красную Книгу. Был в степи такой случай. Мне рассказывал старый целинник. Распахивали они тогда, в 50-х, направо и налево, целинные земли. И днём приходилось пахать, и ночью. И вот однажды выехали с бригадой в ночную смену. Грохот, пыль, зажжённые фары. Битва за посевную. И тут головной трактор выехал на пригорок и остановился. Впереди в свете фар вдруг возникло поле, усыпанное цветами немыслимой красоты. Тюльпаны всех цветов радуги вспыхнули из темноты и ударили по глазам неожиданным, беззащитным, праздником. Остановились трактора. Замерли, оглушённые цветом и красотой, механизаторы. Оседала пыль. И цвели тюльпаны.

— Ну, чего стоим, — сказал бригадир. Работать надо. Давайте по машинам. Нехотя разошлись. Взревели дизеля. И тут молодой парнишка, целинник из Подмосковья, дал по газам, выехал вперёд и загородил дорогу всем. Выпрыгнул из трактора, поднял руки вверх, освещённый

десятками фар, закричал: — Стойте! Сюда нельзя! Здесь же ТЮЛЬПАНЫ!

Не он один. Наверное, все понимали, что делают что-то неправильно. А может, и не все. Потому что пахать целинные земли, не обращая внимания, кто на них живёт, приказала Партия. А Партия не может ошибаться.

Бригадир опустил глаза и сказал: — У нас полстраны перестреляли, да в лагерях сгноили, а ты — тюльпаны, тюльпаны... Бригадир был из Ленинграда. Но уже двадцать лет жил в этих диких степях. И поле перепахали. Мальчишка плакал...

...

Выехать за город, посмотреть на тюльпаны, нарвать букетик — мероприятие духовное. Эстетическое. Но всё-таки — противоестественное, если не пригласить посетить тюльпаны красивую женщину. Например, в театр можно сходить и одному. Но туда идут с красивой женщиной, иначе искусство не будет восприниматься, усваиваться полноценно. Нужен катализатор — красивая женщина.

А некрасивых женщин не бывает. Есть любимые и остальные. Их, остальных, субъективно и произвольно делят на красивых и некрасивых.

Поскольку на вкус и цвет найти единомышленника трудно, то и понятие красивая-некрасивая становится растяжимым до границ пристрастий и слабостей определённого субъекта.

Ты у меня красивая, потому что я по тебе и сохну идохну. Для других, может, и обыкновенная.

Да, ты и боль моя и восторг, про который говорят — ни в сказке сказать, ни — пером описать. Почему боль — потому что ты замужем. Ты не могла быть незамужем — прекрасный характер, замечательная хозяйка, привлекательная — мужчины на улице заглядываются, останавливаются, долго смотрят вслед. Особенно летом, когда из-под расклешённой короткой юбочки выглядывают смуглые, зацелованные мной до всех пределов, ножки.

А город наш ветреный. Ну, никак не уберечься, чтобы порыв тёплого летнего воздуха не дунул вдруг на голые твои ноги снизу, под мини-клёш, и тогда замирают от приятной неожиданности, попавшиеся на твоём пути и желторотые юнцы, и бесполое старцы. Безотказно действующий эффект Мэрилин. Говорят, режиссёр, на съёмках знаменитой сцены нервничал: трусики актрисы чересчур просвечивали, и он требовал, чтобы она надела сверху ещё одни. Дурак. Чересчур не бывает.

Ты никогда не создавала из своего белья серьёзных оптических препятствий для пытливого мужского глаза. Во-первых, потому что — ведь жарко же!..

Твои ноги — это что-то особенное. Безрастительные. Тёплый мрамор. Коротенькие волосы только там, где ноги почти соединяются, и остаётся небольшой горизонтальный промежуток. Маленькая плоская вершина трапеции, которая хорошо заметна со стороны, когда ты стоишь напротив, в своём лёгком, полупрозрачном, платье.

«И в том краю есть промежуток малый. Наверно, это место для меня...».

Я не знаю, почему ты приходишь на свидания со мной. Всё у тебя есть и жизнь устроена. И в интимной жизни, как удалось вычислить по обрывкам фраз, у тебя всё в порядке. Более, чем. И тебе никогда это особенно и не было нужно. Был, правда, случай...

Позвонила — голос какой-то странный. Нужно встретиться. И, чем скорее — тем лучше. Конечно, всё бросил, прыгнул в машину и — в режиме ралли, к условленной точке. Стал в тупичке, никому ниоткуда не заметный. Увидел свою женщину ещё издали. Шла как-то неуверенно, как во сне. Одета — как будто что делала на кухне,

потом всё бросила и так вышла на улицу. Халатик, на босу ногу тапочки. Села в машину, тихо поздоровалась. Поехали за город. Одна рука на руле, другая — к тебе. От тапочка по внутренней стороне гладкой ножки вверх, под халат. Осторожно. Бесстыдно. Пуговицы, кажется, расстегиваются сами. Одновременно смотрю на дорогу, торможу, переключаю передачи. Ох-х-х... Ты уже готова... И ещё как...

Провёл рукой по голове. Мягкие любимые волосы. Пальцами коснулся губ. Они приоткрылись, мокро обхватили мои пальцы. Захватили глубоко, как леденец, медленно дали выскользнуть, потом захватили снова... Я бросил руль и потянул книзу молнию на брюках. Пальцы изо рта вытащил и тихонько попытался наклонить твою голову к себе, туда, где, вырвавшись из тесных джинсов и распрямившись, в невыносимом желании торчал мой суверенный друг. Он ещё более напрягся и обезумел, потому что ощутил твой взгляд.

Торможу, переключаю передачу, здесь спуск и поворот...

Ты легко подалась давлению моей руки, наклонилась...

Я смотрю на дорогу, мне нельзя отвлекаться, я почувствовал — горячие твои губы накрыли, обволокли меня, я погружаюсь в них глубже и

глубже, ты жадно меня в себе утопила... Не увлечься бы, не сорваться... Иначе — к чему эта вся поездка? А тут ещё эти ямы, колдобины. Машину кидает, мокрый задубевший ствол то выскакивает у тебя изо рта, то вдруг грубо, рывком уходит вглубь, так, что губы твои касаются металлических зубочков расстёгнутой молнии. Боюсь повредить тебе гортань. О себе как-то не думаю. Хотя на этом участке дороги, на какой-нибудь кочке, гильотинка может буднично клацнуть. И тогда всё — конец всей моей мужской жизни...

Ты стонешь, но не бросаешь. Выражение «гортанные крики» пришло, наверное, отсюда...

Да, нужно свернуть направо... Мы останавливаемся в лесопосадке. Всё. Можно не спешить. Ведь мы уже приехали. Хотя — нет. Невдалеке, под карагачом, уже стоит зелёный «жигули-комби».

Даже днём, среди недели, не протолкнёшься...

Отъезжаю дальше, в глубь посадки. Теперь всё. Даже если в трёх метрах ярмарка — с места не сдвинусь.

Я целую свою милую. Халат распахнут, лифчик и трусики, как будто кто на тебе переворочил — смяты, скомканы, и они уже ничего не прикрывают. Это всё я? Ничего не

помню. Подожди ещё минутку... Сейчас я буду любить тебя, и любить долго...

А потом ты лежала, и, запрокинув голову, смотрела в небо. И тогда ты сказала: «Я видела в небе ангелов...».

Как можно называть это грехом?... Не пожелай жены ближнего... А какой он мне ближний?...

И я пригласил тебя на тюльпаны. Кого же ещё? Вырвалась, нашла время. У меня всё та же старенькая «Нива». Соблюдая все правила конспирации, жду тебя у «Гастронома». Ты выходишь из толпы и ловишь случайную машину — меня. Как только сердце не выпрыгнуло из груди, когда тебя увидел! По пути пришлось сделать остановку у киоска. — Сейчас, — говорю, — возьму сигареты и жвачку. Когда снова сажусь за руль, ты улыбаешься: — Ну, что ты суетишься, сегодня можно обойтись без презервативов... Я чуть не покраснел. Откуда догадалась?

А тюльпаны у нас недалеко, за городом. Проезжаешь мусорные свалки, брошенные заводские цеха, пустыри — и вдруг оказываешься в чистом поле. Пологие холмы до горизонта, как застывший океан. Сероватый фон от высохших

прошлогодных трав и — неожиданная роскошь — тюльпаны. Они здесь практически в полном наборе своего разноцветья — белые, жёлтые, алые, розовые...

«Ниву» останавливаю на пригорке. Тепло. Слабый ветерок. Помогаю тебе выйти из машины. Машина высокая, можно получить удовольствие от того, как из своей короткой юбочки ты выдвигаешь ногу, чтобы достать далёкую землю. И я получаю это удовольствие.

Тюльпаны уже здесь, под ногами. Прежде, чем начать тебя целовать, — а я ведь буду тебя сегодня целовать? — я наклоняюсь и срываю несколько цветков. Подаю тебе — слышишь, как пахнут? Это особенное удовольствие — срывать тюльпаны, собирая их в букет, периодически подносить их к лицу, чтобы услышать их удивительный запах.

От цветка к цветку можно уйти незаметно очень далеко. Я касаюсь твоей руки. Обнимаю за талию. При случае — прячу лицо в твоих волосах. Что лучше — аромат тюльпана, или этот родной, от которого едет крыша, запах твоих волос?...

Оглянулись — наша «Нива» на пригорке уже кажется маленькой игрушкой.

Когда влюблённые касаются друг друга, они не просто касаются друг друга. Идёт взаимное считывание информации о том, как данную минуту,

мгновение относится к тебе твой любимый человек. Внимательное, пристрастное, до самого тонкого оттенка чувств. Вопрос, который у влюблённого человека требует постоянного ответа: а любят ли меня ещё? И — как? От этого зависит куда, в каком направлении, будут дальше развиваться отношения. И будут ли?

И вот мне что-то стало как-то не так. Не сказать, что от моей милой веяло холодком, или она от меня отстранялась. Нет. И смеялась она, как всегда. И прижималась телом. И оделась таким пронзительным образом, что временами даже не ощущалось действия гравитации.

Я спросил, я начал издалека, — как там, мол, семья, как сынишка. Оказалось, всё хорошо. Ходит в садик, учится говорить «Р-р-р». Позавчера, в гостях, попросили его сказать «трактор». Хитрец, решил не напрягаться, сказал «К-700». А муж? Ну, что — муж... Работает. Бегает, всё для дома достаёт.

Муж — это отдельная песня. Насколько мне удалось вытянуть из моей любимой информации о нашем муже, то это вообще какой-то супер. Мечта каждой женщины. Любит. Хорошо зарабатывает. От сынишки без ума. В постели изобретателен и неистов. И на вид не какой-нибудь Баркильфедро, а весьма презентабельный, пришлось как-то по делам встречаться.

Ну, так что муж? — спрашиваю. — Ничего, работает. — И — всё? — спрашиваю опять. — Что ты имеешь в виду? — Ну, вот это... И оба мы понимаем, о чем я. Хотя ты ещё несколько минут пытаешься уйти от прямого ответа. Потом — Ну, да, было. Да, сегодня. Прямо перед тем, как нужно было бежать к «Гастроному». Он будто чувствовал. Всё крутился вокруг, крутился. Опоздал на важную встречу...

Ну и ладно. Пустяки, дело житейское. Действительно, куда уж тут денешься. Никуда не денешься. Идём обратно к машине. Да я не расстроился. Наступил на один тюльпан, на другой. В салоне разложил сиденья, оборудовал наше внебрачное ложе. А вот ты уже и без верхней одежды. В нижней — моей любимой. — Снять, или пока пусть? — спрашиваешь ты. — Пока пусть, — смотрю, провожу рукой по волосам, целую плечи.

Один — красный тюльпан, просовываю за перемычку между чашечками бюстгальтера. Другие цветы — по одному под резиночку плавочек. Сквозь тонкую ткань просвечивают их стебли. И дорогие твои тайны.

Белый, малиновый, жёлтый, сиреневый... А что? Властитель Персии золотой позволял ли себе такую роскошь — украсить любимую тюльпанами? Позволяют ли себе властители иметь любимых? А, если любимая замужем? То тогда властитель

позволяет себе отрубить мужу голову. Не знаю, будь властителем я, я бы начал не с головы...

Я целую тебя и, заглянув в глаза, спрашиваю — Ну что, поедем? Ты не знаешь, что сказать. А я знаю. Ну, не зверь же я всё-таки. Там эта, влюблённая в тебя долбёжная машина, вышибла из тебя все соки, а теперь я возьмусь тут тебя добивать. Человек — существо материальное, биологическое. Со своим ресурсом, запасом прочности. Способностью уставать, на- и пресыщаться. Духовные силы и красивые чувства могут появиться в человеке тогда, когда у него ничего не болит, когда он не голоден, когда его не мучает желание отдохнуть, выспаться. И губы готовы целовать вновь, когда отдохнули от предыдущих ласк. Иначе у поцелуев другой вкус.

Мы ехали обратно в город. Ты сидела на заднем сиденье, молчала и лохматила рукой мои волосы.

Созвонились через неделю. Ты позвонила мне сама. Звонкий любимый голос спросил меня, как дела. Я услышал твой голос и сказал, что дела у меня идут хорошо, просто замечательно. Что я готов заехать, а ты сказала, что уже ждёшь на новом условленном месте. Ты сказала, что звонишь

из автомата и ещё — что очень по мне скучала. И соскучилась. В общем, набор таких обыкновенных, почти одинаковых, слов.

Мы приехали туда, где неделю назад всюду цвели тюльпаны. Их уже не было. Как будто их не было никогда. Но мне казалось, что всё поле усыпано цветами. И небо.

На этот раз ты была только моей. Твоё дыхание, глаза, твоё тело не обманывали меня. Я знаю. Я бы *почувствовал*...

Первая любовь

Первая любовь... Да, случается такое. Один раз. Первая любовь не бывает два раза. Как и нельзя потерять два раза невинность. Всё это даётся нам в жизни только на один раз.

Бывают потом любви и вторые и следующие. Которые, может, даже, чем Первая, лучше в десять раз.

Только Первая, какая уж она ни была, никогда не забывается.

И для Первой нет никаких исключений. Она не может выглядеть безоговорочным подарком. Что, мол, если Первая — то всё в ней самое лучшее. К Первой никаких снисхождений.

«Любовь зла — полюбишь и козла» — это и к Первой любви может относиться.

Мою первую любовь звали Сабина. Познакомились совсем неожиданно: ехали в лифте, застряли. Было время поговорить. Даже попереживать: сидели мы в лифте часа три, Сабине захотелось в туалет. Она вначале стала разговаривать со мной невпопад, потом создалась в проблеме. Я пробовал её отвлекать. Пока девушка переминалась с ноги на ногу, приседала, сжимая колени, я кричал, танцевал, прыгал. Наконец, лифт пошел, и трагедии не случилось.

Оказывается, Сабина жила напротив моего дома, в десятиэтажке. Странно, что я не замечал её раньше: девушка она была заметная, ростом почти с меня, красиво одевалась.

И теперь я, выглядывая в окно, мог наблюдать, как она выходит из подъезда и бежит, цокая каблучками по тротуару, в свой медицинский институт. (В лифте я её спрашивал, не приносит ли Сабина домой руки, ноги и прочие части человеческих тел, чтобы учить уроки. Много ещё смешного я у неё спрашивал. Может, потому ей так нестерпимо и захотелось в туалет).

Как-то совсем незаметно, вошло у меня в привычку, подолгу сидеть у окна и ожидать, когда из дома девушка выйдет. Когда — возвратится.

Ну, нет, я был не какой-то инвалид, который сутками напролёт мог сидеть у окна и наблюдать, как день сменяется ночью. Просто... я... в свободные минуты у окна задерживался... А, вдруг?...

И, случилось, мне везло: открывалась дверь подъезда, и я видел её, девушку моей мечты...

Редко когда уже на первом свидании удаётся достигнуть той степени интимности, какая случилась у нас с Сабиной. При встречах мы теперь всегда улыбались друг другу, как близкие люди. Я часто стал «случайно» сталкиваться с милой девушкой то у подъезда, то на пути к нашим, стоящим друг напротив друга, домам...

Обычно единственный для нас в мире человек находится где-то рядом. Да, в соседнем доме, на ближайшей, через дорогу, улице. В одном классе, школе. Если деревня, то — в одной деревне.

Единственный в мире самый родной и любимый человек — рядом, в деревне. Вокруг несколько миллиардов народонаселения, вариантов

тьма. Но никому эти варианты не нужны. Потому что родной, любимый, единственный — вот он, рядом!..

Я смотрел на Сабину издали и совсем вблизи и думал, что — да! Вот он, человек, который... которая... самая красивая! Самая лучшая! Самая-самая!..

Когда я «случайно» встречал Сабину, я сам не верил своему счастью. Что вот она остановилась, разговаривает со мной, мне улыбается.

И мы с ней стали ходить в кино и в кафешки.

Но только кажется, что всё получилось так просто.

Я до этого с девчонками не имел никаких отношений. Всё, чего я достиг в своём «воспитании чувств», так это пять лет издали смотреть на Маринку Огневу, лучшую ученицу и первую красавицу в нашем классе.

Потом после девятого класса она ушла учиться в кооперативный коллеж, и на этом моя такая с ней любовная связь оборвалась.

Никаких касаний, никаких там — за ручку подержать. Ничего этого не было. Я и помыслить не мог, что Маринку можно трогать, целовать. Если я случайно в классе встречался с ней глазами, то внутри меня всё вспыхивало и потом ещё не тухло весь день, хотя и уроки уже давно кончились, и Маринка давно ушла к себе домой, как и я — к себе.

И вот тут Сабина! Чернобровая и черноглазая. Стройноногая и в ярких платьицах. А какие чулочки, какие туфельки! А какие... Губы!.. И — запросто со мной, с обыкновенным, разговаривает. Смеётся на каждом с нашим с ней шагом. Ах! Видать, я ей понравился! Чего представить было невозможно, но — я же видел это своими глазами! Да, конечно, нравлюсь! И слушает Сабина меня с интересом. И соглашается со мной, куда попало, ходить.

Я не хотел особо заглядывать в будущее. Мало ли что там, в этом будущем, могло произойти. Я жил сегодняшним днём. Который с утра до вечера был наполнен незнакомым счастьем. И хотелось только, чтобы такой же день был и завтра. И послезавтра.

И, казалось, причин, чтобы это моё счастье продолжалось бесконечно, не могло случиться никаких.

И события развивались.

Во-первых, была весна. Лучшее время года. Летом комары, да мухи. Осень — приготовление к спячке. Зима — вообще время тёплых одеял, одежд, анабиоз. А весна — это праздник и природный и всенародный. Растаивают белые снега, появляется трава, в гулких влажных вечерах слышно, как набухают и лопаются на деревьях почки.

А потом наступает всеобщее цветение — ужас для аллергиков, но радость для остального мира.

Как будто распахиваются двери огромного магазина с дорогим парфюмом и всё это — совершенно бесплатно!

Липы, акации, сирень, одуванчики, девушки — всё цветёт и пахнет!

Когда мы впервые встретились с Сабиной в лифте, было ещё довольно прохладно. Но потом пришёл месяц май, и вся девичья милитаристская атрибутика обнаружила себя во всей своей неотразимой мощи. Я увидел, кроме милого личика

ещё и хорошенькие ножки и... чудные холмики, весьма заметно приподнимавшие ткань кофточки.

И тут уж я разглядел и все её чулочки, и все туфельки.

Влюблённый человек должен быть смелым.

Ему нужно как-то в своих интересах и симпатиях продвигаться вперёд. Любовь — такое дело, что никак нельзя оставаться на достигнутом.

Достижения, правда, у меня были ещё довольно скудными, но они были: мы уже, чисто по-дружески, по-товарищески, встречались с Сабиной, я даже осмелился как-то взять её за руку. А потом пошёл ещё дальше: стал её пожимать, поглаживать. Принимающая сторона не возражала. И часто я слышал ответное пожатие, отчего на мгновение обе мои ноги неслышно отрывались от земли.

Потом наступало незаметное, неслышное, плавное приземление.

Внутренний голос подсказывал, что нужно бы уже делать и следующий шаг, как-то надо бы попробовать и... поцеловаться!..